



ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 343.43(091)

**Масштабы сталинских репрессий в оценках
советских и современных российских исследователей**

¹ Евгений Федорович Кринко

² Сергей Александрович Кропачев

¹ Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН, Россия
344006, г. Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук,
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

² Краснодарское краевое отделение общероссийской общественной организации
«Российское историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество
«Мемориал» (Российский Мемориал)
350911, г. Краснодар, ул. Трамвайная, 88, оф. 21
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: kko@kubanmemo.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности изучения сталинских репрессий советскими, эмигрантскими и современными российскими исследователями. В советское время точные сведения о количестве репрессированных не публиковались, и специальные работы по данной проблеме появились уже в эпоху «перестройки». Однако первоначально желание «сказать правду» о подлинных масштабах сталинских преступлений не подкреплялось историческими источниками. Следствием этого стали завышенные цифры о десятках миллионах заключенных, миллионах расстрелянных советских гражданах. За последние годы исследователи существенно продвинулись вперед в изучении различных видов террора и категорий репрессированных, механизмов осуществления массовых репрессивных акций, динамики численности заключенных в местах лишения свободы, общего количества ссыльных и спецпоселенцев. Выходу исследований проблемы на новый уровень способствует издание Книг памяти в субъектах Российской Федерации, формирование Единой базы данных о жертвах политического террора в СССР.

Ключевые слова: «большой террор»; историография; политические репрессии; реабилитация; сталинизм.

Введение. Одним из самых сложных и противоречивых периодов в истории России, неизменно вызывающих широкий профессиональный и общественный интерес, является эпоха сталинизма. Драматичные процессы формирования нового социально-экономического уклада в условиях жесткого политического строя, насильственные преобразования всех сфер жизни, проблемы выживания миллионов советских граждан стали предметом значительного количества публикаций. Однако отказ от прежних стереотипов, с которыми успело свыкнуться не одно поколение, происходит непросто, сопровождается острыми дискуссиями сторонников различных взглядов, концепций, школ, порой приобретающими политизированный характер. За ними нередко стоят различия в оценках современного состояния страны и перспектив ее дальнейшего развития.

Наиболее острую полемику вызывает обращение к проблемам массовых политических репрессий. К сожалению, крайности в их оценках, выступая основой для мифологизации советского прошлого, остаются одной из главных причин идейных разногласий не только в профессиональном сообществе, но и в массовом сознании россиян и жителей ряда других государств на постсоветском пространстве. Многочисленные конфликты интерпретаций, различные, порой противоположные версии и оценки советской истории приводят к ожесточенным «войнам памяти», не позволяющим достичь общественного согласия. Поэтому представляется достаточно важным историографическое обобщение опыта изучения рассматриваемых событий как основы для выработки исторического компромисса, формирования новой национальной идентичности.

Первые оценки массовым репрессиям были даны непосредственно во время их осуществления советскими руководителями и пропагандистами, которые обосновывали необходимость борьбы с «врагами народа» и их физического уничтожения. Однако данные о планируемом масштабе удара по «врагам народа» и количестве подвергавшихся репрессиям граждан встречаются в их работах в самом обобщающем виде, цифры в большинстве своем не отражают реальных событий. Точные сведения о сталинских репрессиях в СССР в советское время не публиковались. Официальные документы камуфлировали реальные причины карательных действий лозунгами борьбы с «врагами народа», «контрреволюционерами» и «оппозиционерами». Например, в заключительном слове на февральско–мартовском пленуме 1937 г. И.В. Сталин упомянул о 1,5 млн чел., исключенных из партии с 1922 г. Опираясь на результаты партийной дискуссии 1927 г., он также назвал конкретное количество «врагов» – 30 тыс. троцкистов, зиновьевцев и всякой другой «шушеры: правые и прочие...». Поскольку к этому моменту уже было арестовано 18 тыс. чел., то, следовательно, оставалось привлечь к ответственности еще 12 тыс. «врагов народа» [1]. Однако в реальности репрессированных оказалось намного больше.

М.И. Калинин в июле 1937 г. утверждал, что «фашизм был связан в нашей стране с довольно значительным количеством лиц» [2]. Н.И. Ежов в декабре 1937 г. считал, что «оголтелая свора фашиствующей буржуазии» засыпает «пачками шпионов, диверсантов и вредителей» [3]. Приведенные высказывания свидетельствуют, что речь шла о сотнях тысяч людей, попавших «под подозрение». Выступая на XVIII съезде ВКП(б) с отчетным докладом «О работе ЦК ВКП(б)» 10 марта 1939 г., И.В. Сталин привел более определенные данные. К XVII съезду партии в декабре 1934 г. в ней состояло 1 874 488 членов, к XVIII съезду – только около 1,6 млн чел. Следовательно, в результате партийных «чисток» 1933–1936 гг. партия уменьшилась примерно на 270 тыс. чел. (около 15 %) [4]. Многие «вычищенные», хоть и не все, были арестованы, осуждены или расстреляны.

Значительные перемены в осмыслении данной проблемы произошли в период «оттепели». После смерти И.В. Сталина Президиум ЦК КПСС затребовал от правоохранительных органов СССР данные о численности осужденных за «контрреволюционные преступления». В феврале 1954 г. на имя первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева была подготовлена справка, подписанная Генеральным прокурором СССР Р.А. Руденко, министром внутренних дел СССР С.Н. Кругловым и министром юстиции СССР К.П. Горшениным. В ней называлось число осужденных за контрреволюционные преступления за период с 1921 г. по 1 февраля 1954 г. Согласно данному документу, всего за указанный период коллегия ОГПУ, «тройки» НКВД, Особое совещание, Военная коллегия, суды и военные трибуналы осудили 3 777 380 чел., в том числе к высшей мере наказания

642 980 чел., к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок до 25 лет 2 369 220 чел., в ссылку и высылку 765 180 чел. [5]. При этом около 2,9 млн чел. были осуждены внесудебными органами (коллективом ОГПУ, «тройками» и Особым совещанием), около 900 тыс. чел. – судами, военными трибуналами, Спецколлективом и Военной коллегией Верховного Суда. Справка предназначалась только для советского руководства, и приводимые в ней сведения стали доступны исследователям уже в начале 1990-х гг.

После ареста Л.П. Берии началась реабилитация репрессированных. По воспоминаниям Н.С. Хрущева, у него «возникла потребность приподнять занавес и узнать, как же все-таки велось следствие, какие имели место аресты, сколько людей всего арестовали, какие существовали исходные материалы для ареста и что показало потом следствие по этим арестам?» [6]. 25 февраля 1956 г. он выступил с докладом «О культуре личности и его последствиях» на закрытом заседании XX съезда КПСС. Основное его содержание было сосредоточено на перечислении многочисленных злоупотреблений Сталина в 1930–1940-х гг. Все негативные стороны в деятельности советского государства Хрущев персонифицировал со Сталиным, возложив на него ответственность за многочисленные незаконные аресты, пытки, расстрелы.

«Оттепель» ускорила массовую реабилитацию и освобождение из заключения граждан, осужденных по обвинениям в политических преступлениях. Для большинства из них реабилитация стала посмертной. Всего с 1953 по 1961 гг. было реабилитировано 737 182 чел., репрессированных за контрреволюционные преступления. Резко снизилась численность политических заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа. Если в 1952 г. их насчитывалось 579 757 чел., то в 1956 г. – 113 735 чел. К 1 января 1959 г. количество политических заключенных в лагерях и колониях сократилось до 11 059 чел. [7]. Массовый характер приобрело освобождение многочисленных контингентов ссыльных и спецпоселенцев, включая репрессированные народы. С июля 1954 по июль 1957 гг. было освобождено 2,5 млн чел. К началу 1959 г. на учете осталось менее 50 тыс. спецпоселенцев, а в 1965 г. спецпоселения были окончательно ликвидированы [8].

Обретая свободу, бывшие политзаключенные становились носителями новых знаний о массовых репрессиях. Существенное значение в эти годы имело творчество А. Солженицына, О. Волкова, В. Шаламова и других авторов, прошедших через ГУЛАГ. Но с середины 1960-х гг. вплоть до середины 1980-х гг. обращение к проблемам массовых политических репрессий, истокам, проявлениям и последствиям сталинизма в СССР стало вновь невозможным.

В то же время проблема сталинских репрессий продолжала изучаться в эмигрантской историографии. Эмигрантские издания систематически публиковали материалы о сталинизме и массовых политических репрессиях С. Максудова (А.П. Бабеньшева), И. Курганова, Б. Николаевского, Б. Яковлева (Н.А. Троицкого), М. Агурского, Ю. Фельштинского, Д. Вересова, А. Авторханова и других выходцев из СССР. Многие из них носили откровенно пропагандистский характер. Так, в середине 1960-х гг. И. Курганов опубликовал сенсационные данные о гибели в СССР в довоенный период 55 млн чел. [9]. В данном случае он смешал прямые потери с косвенными (снижением рождаемости). Более основательный характер носят исследования историка и демографа С. Максудова, разработавшего собственную методику расчетов повышенной убыли населения СССР в 1918–1940-х гг. Он дифференцировал потери населения в зависимости от вызвавших их причин (голод, массовые политические репрессии, снижение уровня жизни и т.д.).

В СССР под непосредственным влиянием идей XX съезда КПСС разработкой темы репрессий занялся Р.А. Медведев, опубликовавший за рубежом ряд работ, включая книгу «К суду истории», начатую еще в 1962 г. Она была издана в Нью-Йорке и Лондоне на русском языке. Автор утверждал, что в годы сталинской диктатуры (прежде всего, в середине 1930-х гг.) в СССР было репрессировано 4–5 млн чел., в том числе расстреляно 500 тыс. чел. [10].

Масштабы политических репрессий в СССР также осмысливались в рамках диссидентского движения и самиздата. Набранные и размноженные, как правило, при помощи пишущих машинок, самиздатские альманахи, журналы и бюллетени публиковали материалы о политических заключенных и репрессиях, включая их собственные воспоминания, печатали А. Солженицына, Г. Владимова, А. Зиновьева, Л. Копелева и других запрещенных в СССР авторов. В 1980 г. был осужден И.Г. Дядькин, проанализировавший в распространявшейся в самиздате статье «Статисты» потери

населения СССР в период коллективизации и массовых политических репрессий. В 1983 г. его книга, посвященная «неестественной смертности» в СССР в 1928–1954 гг., вышла за рубежом и получила высокую оценку за построенную автором математическую модель нормального развития советского населения. По мнению И.Г. Дядькина, количество погибших в СССР в 1937–1940 гг. составляло от 3 до 3,4 млн чел., в 1941–1949 гг. – от 31 до 34 млн чел. [11]. Недостатки работы были обусловлены неточностями официальной советской статистики, положенной в основу расчетов.

Следующий период в осмыслении проблемы был связан с эпохой «перестройки». Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев впервые обратился к теме сталинских репрессий в юбилейном докладе, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Положительно оценив «неоспоримый вклад Сталина в борьбу за социализм, защиту его завоеваний», докладчик подверг критике «вождя народов» за «нарушения законности, произвол и репрессии 30-х годов». Он оценил их как «настоящие преступления на почве злоупотребления властью», так как репрессиям подверглись «многие тысячи членов партии и беспартийных». В то же время М.С. Горбачев полагал, что культ личности «чужд природе социализма, представляет собой отступление от его основополагающих принципов», подчеркивал, что «на XX и XXII съездах партия сурово осудила и сам культ Сталина, и его последствия... Тысячи безвинно пострадавших полностью реабилитированы. Но процесс восстановления справедливости не был доведен до конца и фактически приостановлен в середине 60-х годов» [12]. Это свидетельствовало о преемственности идеологии «перестройки» и «оттепели».

С 1987 г. периодические издания стали публиковать материалы по теме политических репрессий и их последствий, формирования и функционирования ГУЛАГа, системы спецпоселений. Первыми обратились к ней не профессиональные историки, а журналисты и писатели, социологи, философы, экономисты, политологи. В условиях провозглашенной политики «гласности» стали публиковаться произведения ранее запрещенных писателей, посвященные политическим репрессиям – «Дети Арбата» А. Рыбакова, «Колымские рассказы» В. Шаламова и другие. Особенно сильное воздействие на развитие общественного мнения по данному вопросу оказала публикация книг А.И. Солженицына – «Архипелаг ГУЛАГ», «Раковый корпус», «В круге первом».

В 1988–1990 гг. были изданы сборники статей, посвященные сталинизму, в которых получила дальнейшее осмысление проблема потерь населения СССР вследствие репрессий [13]. Ю. Афанасьев, Ф. Бурлацкий, М. Гефтер, Ю. Карякин, А. Сахаров, В. Сироткин и другие авторы писали об уничтожении человеческого потенциала страны в годы сталинской диктатуры, о депортациях советских народов. Они также отмечали несовершенство советской статистики, фальсификации в период проведения переписи населения 1939 г. [14]. А. Кваша назвал приблизительную цифру погибших от голода и репрессий с 1928 по 1953 гг. – более 40 млн чел. [15].

Формированию представлений о массовом характере репрессий способствовала и публикация сведений, систематизированных по данной теме отдельными исследователями по различным источникам. Собственную картотеку, в которой насчитывалось несколько сотен тысяч карточек со сведениями о жертвах сталинских репрессий, создал архивист Д. Юрасов. Журналист Э. Белтов в течение нескольких десятилетий собирал материалы о незаконно репрессированных в 1930–1950-е гг. революционерах, ученых, военных, деятелях литературы и искусства. В его картотеке к концу 1980-х гг. набралось 17 тыс. имен, включая примерно 1 тыс. имен погибших писателей и примерно такое же количество имен выживших в заключении литераторов [16].

Состоявшаяся в июне–июле 1988 г. XIX Всесоюзная партконференция вынесла решение о сооружении памятника жертвам сталинских репрессий. В следующем, 1989 г., был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов». Как отмечает Г.М. Иванова, хотя данный документ еще не называл репрессии «политическими» и ограничивал их период сталинскими десятилетиями, он сразу был воспринят обществом как сигнал: «тема репрессий, лагерей окончательно вышла из-под запрета» [17]. В августе 1990 г. вышли указы Президента СССР о реабилитации жертв политических репрессий и возвращении советского гражданства всем, кто был его лишен с 1966 по 1988 гг., т.е. в период борьбы с диссидентским движением в СССР.

С конца 1980-х гг. в отечественной историографии наметились две тенденции в оценке масштабов массовых политических репрессий. Первую представляли историки и писатели Ю. Алексеев, А. Антонов-Овсеенко, М. Геллер, И. Курганов, Р. Медведев, А. Некрич, В. Рапопорт, А. Солженицын, Л. Разгон и другие авторы. Они сами пережили репрессии или пострадали от советской системы. Однако не только личная память побуждала их писать на тему государственного террора в СССР. По образному выражению А.И. Солженицына, это был их «общий дружный памятник всем замученным и убитым» [18]. Исследуя массовые политические репрессии в СССР, данные авторы опирались прежде всего на свой лагерный, а если его не было – жизненный опыт, источники личного происхождения, в том числе воспоминания бывших политзэков, эмигрантскую литературу. Искреннее желание «сказать правду» о подлинных масштабах сталинских преступлений не подкреплялось историческими источниками, знанием лагерной статистики. Отсюда появлялись завышенные цифры о десятках миллионах заключенных, миллионах расстрелянных советских граждан.

Так, по данным О.Г. Шатуновской, которую в 1960 г. назначили членом комиссии Президиума ЦК КПСС по расследованию судебных процессов 1930-х гг., с 1935 г. до июля 1941 г., т.е. за шесть с половиной лет было арестовано 19 840 тыс. чел., из них расстреляно 7 млн чел. [19]. Р.А. Медведев без ссылок на источники увеличил названную им прежде цифру репрессированных советских граждан до 7 млн чел., а расстрелянных – до 1 млн чел. [20]. Масштабы голода начала 1930-х гг. он оценил в 6 млн чел., также не подтвердив данную цифру никакими документами [21]. Общие потери населения СССР от политических репрессий он оценил в 40 млн чел. [22].

В конце 1989 – начале 1990 гг. А.Н. Дугин опубликовал несколько статей, в которых указывал, что численность жертв политических репрессий следует скорректировать по сравнению с приводимой Р.А. Медведевым статистикой по крайней мере в 10 раз [23]. Ссылаясь на данные Центрального государственного архива Октябрьской Революции (далее – ЦГАОР, в настоящее время – Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ), он утверждал, что в период сталинизма по политическим мотивам было репрессировано 3,6–3,7 млн чел. [24]. Тем не менее сведения о масштабах сталинских репрессий, опубликованные Р. Медведевым, А. Антоновым-Овсеенко, И. Кургановым и другими публицистами, широко пропагандировались в это время средствами массовой информации, способствуя формированию определенных представлений в обществе по данному вопросу.

Первоначально профессиональные историки практически ничего не могли возразить по этому поводу, поскольку вплоть до начала 1990-х гг. архивные фонды, содержавшие документы о массовых репрессиях, оставались для них закрытыми. Только на рубеже 1980–1990-х гг. вышли первые статьи в периодической печати [25], затем книги [26], в которых приводились оценки численности репрессированных по политическим мотивам, расстрелянных, депортированных, спецпоселенцев, ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных, а также заключенных лагерей, колоний, тюрем и спецтюрем в 1930-е – начале 1950-х гг., опирающиеся на архивные документы. С этого времени стала формироваться вторая тенденция, которую представляли историки и юристы Н. Бугай, Д. Волкогонов, А. Дугин, В. Земсков, В. Курицын, С. Максудов, О. Хлевнюк, В. Цаплин и др.

Д.А. Волкогонов, получивший раньше других исследователей доступ к ранее закрытым архивным фондам, в конце 1980-х гг. в своей книге «Триумф и трагедия», посвященной И.В. Сталину, дал общую оценку масштабам массовых репрессий. По его расчетам, в результате сталинского террора пострадали 4,5–5,5 млн чел. [27]. Однако автор не детализировал эти цифры, не указав, сколько именно из них было осуждено и расстреляно, а сколько отбывало наказание в тюрьмах, лагерях и ссылке.

Фактически незамеченными в историографии остались публикации С. Максудова в конце 1980 – начале 1990-х гг. [28]. По его мнению, избыточные потери населения СССР в 1927–1938 гг. составили 9,8 млн чел. [29]. Его расчеты, хотя и неточные, резко отличались от данных публицистов. Напротив, широкое общественное внимание в это время вызвали публикации работ Р. Конквеста, С. Коэна, И. Дейчера, А. Кестлера, Б. Николаевского, Ю. Хаксли, Ю. Фельштинского и других зарубежных и эмигрантских авторов, содержавшие значительно менее обоснованные данные о масштабах репрессий и демографических потерь советского населения.

Полемика между представителями двух указанных тенденций нередко выходила далеко за пределы строго научной дискуссии, вызывая заметный общественный резонанс. Так, публикация в 1989–1990 гг. в «Аргументах и фактах», выходявших в то время миллионными тиражами, серии статей В.Н. Земскова, представившего статистику заключенных ГУЛАГа, противоречившую сведениям Р.А. Медведева, А.И. Солженицына, А.В. Антонова-Овсеенко, О.Г. Шатуновской и других авторов, вызвала значительное количество читательских откликов [30]. Негативная реакция части читателей была вызвана главным образом тем, что они, поверив в десятки миллионов репрессированных, сомневались в подлинности приводимых В.Н. Земсковым цифр. Не только журналисты, но и историки безапелляционно заявляли о фальсификациях приводимой статистики.

Особенно острая полемика на страницах печати в эти годы развернулась между В.Н. Земсковым и А.В. Антоновым-Овсеенко. В 1991 г. А.В. Антонов-Овсеенко прямо обвинил В.Н. Земскова в научной недобросовестности, заявив о фальшивом происхождении используемых оппонентом документов и, следовательно, недостоверном характере публикуемых тем цифр. Он утверждал, что, по данным Управления общего снабжения ГУЛАГа, на довольствии в местах заключения состояло «без малого 16 миллионов – по числу пайкодач в первые послевоенные годы» [31]. Всего же, по его мнению, репрессиям подверглись 19 840 тыс. чел., из них 7 млн чел. были расстреляны в тюрьмах [32]. Позицию А.В. Антонова-Овсеенко поддержал известный писатель и бывший узник ГУЛАГа Л.Э. Разгон [33]. В.Н. Земсков возразил, что вопрос о подлоге можно было бы рассматривать, если бы его исследования опирались на один или несколько разрозненных документов: «Однако нельзя подделать находящийся в государственном хранении целый архивный фонд с тысячами единиц хранения, куда входит и огромный массив первичных материалов (предположить, что первичные материалы – фальшивые можно только при допущении нелепой мысли, что каждый лагерь имел две канцелярии: одну, ведущую подлинное делопроизводство, а вторую – неподлинное)». В.Н. Земсков утверждал, что подверг тщательному источниковедческому анализу весь массив архивных документов, установив их подлинность. Первичные данные о количестве заключенных и спецпоселенцев в 1930–1950-е гг. в итоге совпали со сводной статистической отчетностью ГУЛАГа и со сведениями, содержащимися в докладных записках его руководства Н.И. Ежову, Л.П. Берии, С.Н. Круглову, а также в докладных записках последних на имя И.В. Сталина. В.Н. Земсков также отмечал, что в листе использования цитируемого Антоновым-Овсеенко архивного документа из фонда ЦГАОР СССР его фамилия вообще отсутствовала. На этом основании он сделал вывод, что А.В. Антонов-Овсеенко приводил его с чьих-то слов, с грубейшими искажениями, «не заметив» запятой. По словам В.Н. Земскова, осенью 1945 г. в лагерях и колониях ГУЛАГа, где содержались основные контингенты заключенных, находилось не 16, а 1,6 млн чел. [34].

Специфика развития современной российской историографии массовых политических репрессий во многом определяется тем, что разработка данной темы редко поддерживается государством и зависящими от него в той или иной форме средствами массовой информации. По мнению Г.М. Ивановой, «одна из причин кроется в нежелании общества и государства нести моральную и материальную ответственность “за грехи отцов”. Лагерная тематика как “неприятная” практически полностью вытеснена из публичного пространства». Между тем проблемы истории политических репрессий эпохи сталинизма сохраняют свою актуальность и не утратили своего социального и политического звучания: «в общественную жизнь регулярно вступают новые поколения молодых людей, и нетрудно заметить, что многие из них обнаруживают явную склонность к тоталитарным идеологиям. По этой причине нельзя допустить, чтобы ужасы лагерного прошлого были преданы забвению» [35].

Отсутствие государственной помощи в разработке указанной проблемы в течение ряда лет компенсировалось широким участием зарубежных фондов и институтов в финансировании проектов, посвященных истории политических репрессий, «большого террора» и ГУЛАГа. Так, в 2004–2005 гг. при финансовой поддержке Гуверовского института войны, революции и мира был реализован крупномасштабный издательский проект «История сталинского Гулага» [36]. В рамках этого фундаментального издания опубликовано 1,5 тыс. архивных документов из фондов ГАРФ. Каждый том имеет определенную тематическую направленность: массовые репрессии, структура и кадры карательной системы, экономика ГУЛАГа, численность и условия содержания лагерного

населения, спецпереселенцы; восстания, бунты и забастовки заключенных. В седьмом томе содержится аннотированный указатель архивных дел [37]. Опубликованные в этом издании документы и материалы позволяют придать разработке темы репрессий научную достоверность, объективность, открытость, значительно расширить лагерную проблематику.

За последние годы исследователи существенно продвинулись вперед в изучении различных видов террора и категорий репрессированных, механизмов осуществления массовых репрессивных акций [38], динамики численности заключенных в местах лишения свободы [39], общего количества ссыльных и спецпоселенцев [40]. Глубиной анализа и новизной вводимых данных отличаются исследования, посвященные динамике численности заключенных в местах лишения свободы в разрезе исправительно-трудовых колоний (далее – ИТК) и исправительно-трудовых лагерей (далее – ИТЛ), а также по регионам СССР, их качественным характеристикам, причинам и масштабам смертности в 1930–1940-е гг. В перестроечные и постперестроечные годы изданы сотни воспоминаний и художественных произведений бывших политзаключенных [41]. Мемуары тех, кто прошел через ГУЛАГ, позволили воссоздать картину государственного произвола периода «большого террора».

В «битве за цифры» (Ж. Котек, П. Ригуло) существенную роль сыграли публикации материалов всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг., в ходе которых в особом порядке переписывались граждане, обозначенные как «контингент НКВД». Впервые опубликованные данные спецпереписей НКВД позволяли проследить динамику количественного роста данных «спецконтингентов» [42]. Так, спецперепись, проведенная в январе 1937 г., зафиксировала 2 660 300 чел., находившихся в ведении НКВД. В это число вошли военнослужащие внутренних войск НКВД, личный состав оперативных управлений, служащие центрального и местных аппаратов тюрем, лагерей и колоний, все категории заключенных, спецпоселенцев и другие так называемые спецконтингенты. В 1939 г. аналогичную перепись по линии НКВД прошли 3 742 434 чел. Рассекреченные данные спецпереписей убедительно опровергали публиковавшиеся ранее за рубежом сведения, многократно преувеличивавшие численность заключенных в СССР.

Тем не менее общие цифры сталинских репрессий продолжали вызывать дискуссии. А.Н. Яковлев, являвшийся председателем Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте Российской Федерации, считал, что по неполным данным с 1921 по 1953 гг. было арестовано 5 951 364 чел., из них осуждено судебными и внесудебными («тройками», «двойками», «особыми совещаниями») к различным наказаниям 4 060 306 чел. По национальному признаку с 1936 по 1961 гг. было репрессировано более 3,5 млн чел. По подсчетам А.Н. Яковлева, число казненных по политическим мотивам, умерших в тюрьмах и лагерях за годы советской власти в целом в СССР достигает 20–25 млн чел., включая умерших от голода: более 5,5 млн чел. во время гражданской войны и более 5 млн чел. в 1930-е гг. Только в РСФСР с 1923 по 1953 гг. по неполным данным общая численность осужденных, как уголовных, так и политических, составляла более 41 млн чел. При этом А.Н. Яковлев признался, что не может ответить на вопрос, почему и зачем Сталин уничтожил миллионы невинных людей: кроме ненависти к людям и жадности власти, «есть во всем этом нечто мистическое, непостижимое, дьявольское, садистское» [43].

В.Н. Земсков, опираясь на рассекреченные архивные документы, привел иные данные. Всего с 1921 г. по 1 февраля 1954 г. в стране судебными и внесудебными органами за контрреволюционные преступления было осуждено 3 777 тыс. чел., в том числе к высшей мере наказания 643 тыс. чел. [44]. Это без учета раскулаченных, депортированных и других категорий незаконно репрессированных граждан.

Согласно другим авторам, всего в 1920–1950-е гг. через лагеря, колонии, тюрьмы и иные места лишения свободы прошли десятки миллионов человек [45]. Только в 1930-х гг. в места заключения, ссылку и высылку было направлено около 2 млн чел., осужденных по политическим мотивам [46]. За 1940–1952 гг. умерло почти 500 тыс. чел., подвергавшихся насильственным выселениям и находившихся на спецпоселении и в ссылке [47].

В докладе на международной научной конференции «1937–1938: Апогей Большого Сталинского террора» А.Б. Рогинский указал, что с 1921 по 1953 гг. в СССР на репрессированных по политическим мотивам было заведено 5 млн уголовных дел. Однако многие репрессированные были осуждены несколько раз, поэтому с учетом поправки в 10 % получается 4,5 млн жертв политического террора в СССР. К ним следует прибавить примерно 7 млн депортированных. Всего, по его словам, от политических репрессий в СССР

пострадало 11,5–12,5 млн чел. без учета жертв голода 1921–1922, 1932–1933, 1946–1947 гг., раскулаченных, расказаченных, политических эмигрантов и иных категорий граждан, подвергнувшихся политическим, социальным, этническим, религиозным и иным дискриминациям после 1917 г. [48].

Проблемы демографических потерь вследствие репрессий получают отражение и в региональной историографии. В последние годы вышли монографии, сборники, статьи исследователей, посвященные репрессиям в отдельных регионах страны. Так, К.Н. Максимов охарактеризовал проведение сталинских репрессий в Калмыкии [49]. Репрессии в Республике Коми исследуют М.Б. Рогачев и другие авторы, отметившие, что она стала одним из основных регионов размещения ИТЛ и спецпоселенцев в 1930-е гг. [50]. В 1990–2000-е гг. были опубликованы исследования, посвященные массовым политическим репрессиям на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и других регионах страны [51].

Введение в научный оборот региональных материалов позволило выявить несоответствия и противоречия в используемой источниковой базе. В частности, кемеровская исследовательница Л.И. Гвоздкова указывает на то, что данные о численности заключенных, приводимые только на основе использования отчетов ГУЛАГа, «не могут быть истиной в последней инстанции». Она утверждает: «Думать, что цифры, посылаемые в центр, всегда объективны и единственно верны по меньшей мере ненаучно. Отчеты и статистика, сохранившиеся по лагерной теме в местных управлениях внутренних дел, доказывают, что на местах имелись две канцелярии: официальная и неофициальная. Знакомство с местными материалами дает нам право утверждать, что в центр отправлялись откорректированные сведения, часто не совпадавшие с теми, что оставались на месте». Л.И. Гвоздкова считает, что В.Н. Земсков «неправомерно отстаивает свою позицию по поводу того, что выгодно, а что не выгодно было органам НКВД. Нельзя забывать, что на местах бывали случаи (и нередко), когда органы НКВД расправлялись с гражданами не по инструкции, а по личной инициативе. Массовые аресты, расстрелы, отправка в местные лагеря, издевательство над подсудимыми, вплоть до летального исхода и так далее могли осуществляться без специальной отчетности» [52].

В свою очередь В.Н. Земсков допускает, «что указанное очковтирательство имело место, но в крайне ограниченных пределах, поскольку посылать в Москву заведомо ложные данные о численности заключенных или спецпоселенцев – это должностное преступление, на которое большинство соответствующих должностных лиц, конечно же, не могло пойти из чувства осторожности и самосохранения». По его мнению, «по степени достоверности содержание документов центральных и местных архивов примерно равноценное, и поэтому для их гипертрофированного противопоставления, как это сделала Л.И. Гвоздкова, нет абсолютно никаких оснований» [53].

Однако позицию Л.И. Гвоздковой разделяют и другие авторы, изучавшие документы региональных архивов. В частности, А.С. Смыкалин утверждает, что приводимые В.Н. Земсковым показатели «иногда расходятся с данными региональных архивов страны» [54]. В то же время А.К. Соколов, выделяя несколько видов данных о масштабе репрессий («лагерная статистика», данные двух переписей населения 1937 и 1939 гг., текущая демографическая статистика), считает, что «данные этих разных по происхождению источников практически совпадают» [55]. Все это свидетельствует о необходимости продолжения работы по сопоставлению различных источников.

Важнейшим фактором, повлиявшим на определение масштабов политических репрессий в регионах, стала работа по обнародованию имен незаконно репрессированных граждан. Публикация таких списков была начата уже в последние годы существования СССР, сначала в периодической печати, а затем и в виде специальных книг памяти. В настоящее время в разных субъектах Российской Федерации итоги работы по подготовке и изданию Книг памяти жертв политических репрессий существенно различаются. В Самарской области издана 21 книга, в Республике Татарстан – 18, в Псковской области – 15, в Ставропольском крае – 13. Особенно серьезный характер приобрела работа по изданию Книг памяти в Республике Коми, где ей был придан статус специальной государственной программы, в рамках которой изданы 8 фундаментальных томов «Покаяние». В них приводятся не только списки тех, кто был репрессирован на территории республики, находился здесь в заключении или на спецпоселении, но и результаты современных исследований по данным проблемам. Но примерно в полутора десятках субъектах книги еще

не изданы. Всего к апрелю 2009 г. в различных регионах России было издано около 300 томов книг памяти жертв политических репрессий.

В то же время во второй половине 1990-х – 2000-х гг. был издан ряд исследований, посвященных истории советских правоохранительных учреждений, осуществлявших массовые политические репрессии. Нередко они прославляли успехи советских чекистов, разведчиков и контрразведчиков [56]. В них почти не затрагивалась проблема участия чекистов в проведении красного и массового террора против населения страны, но подчеркивалась пагубность чистки НКВД в 1930-е гг. [57]

Заключение. Таким образом, представления о сталинских политических репрессиях проделали значительную эволюцию в советской и современной российской историографии: от первых пропагандистских публикаций к серьезным фундаментальным трудам, опирающимся на широкий круг рассекреченных документов. Выходу исследований проблемы на новый качественный уровень особенно способствовало формирование Единой базы данных «Жертвы политического террора в СССР», издание Книг памяти в субъектах Российской Федерации, осуществляемое благодаря совместным усилиям государственных органов власти и органов местного самоуправления, профессиональных исследователей и общественных организаций.

Однако в настоящее время в России не существует государственной программы увековечения памяти жертв политических репрессий, и данное мероприятие остается в значительной степени общественной инициативой. Нет и федерального нормативного акта, предписывающего готовить и издавать Книги памяти, не разработана единая методика и общие критерии отбора сведений. Поэтому само качество этих книг существенно различается. Тем не менее они способствуют формированию представлений об истинных масштабах общих потерь советского населения в годы массовых политических репрессий и их дифференциации по отдельным видам и регионам страны.

Примечания:

1. Сталин И.В. Заключительное слово на Пленуме Центрального Комитета ВКП(б) 5 марта 1937 года (стенографический вариант) // Соч. Т. 14. Март 1934–1940. М.: Писатель, 1997. С. 204–205.
2. Правда. 1937. 28 июля.
3. Правда. 1937. 11 декабря.
4. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1939. С. 28.
5. История СССР. 1991. № 5. С. 152–153.
6. Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М.: Вагриус, 1997. С. 289.
7. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3 т. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2. С. 193.
8. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. С. 274, 279.
9. Курганов И. Три цифры // Новое русское слово. 1964. 12 апреля.
10. Медведев Р.А. К суду истории. Генезис и последствия сталинизма. Нью-Йорк: Alfred A. Knopf, 1974. С. 460.
11. Звенья. Исторический альманах. М.; СПб.: Прогресс; Феникс; Atheneum, 1991. Вып. 1. С. 71, 107, 111.
12. Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М.: Политиздат, 1987. С. 21.
13. Историки спорят. Тринадцать бесед. М.: Политиздат, 1988. 510 с.; Иного не дано: Судьбы перестройки. М.: Прогресс, 1988. 675 с.; В человеческом измерении. М.: Прогресс, 1989. 487 с.; Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989. 650 с.; Драма обновления. М.: Прогресс, 1990. 675 с.; СССР: демографический диагноз. М.: Прогресс, 1990. 696 с.; Через тернии. М.: Прогресс, 1990. 702 с. и др.
14. Вишневский А., Кузнецова Л. Люди или население? // В человеческом измерении. С. 207–212.
15. Кваша А. Цена побед // СССР: демографический диагноз. С. 244.
16. Белтов Э., Нехорошев Г. Это нужно не мертвым – живым // Реабилитирован посмертно. 2-е изд. М.: Юридическая литература, 1989. Вып. 1, 2. С. 538.
17. Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. С. 4.

18. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. М.: Центр «Новый мир», 1990. Т. 1. Ч. 1. С. 9.
19. Цит. по: Померанц Г.С. Государственная тайна пенсионерки // Новый мир. 2002. № 5. С. 142–143.
20. Аргументы и факты. 1989. № 5.
21. Вопросы истории. 1988. № 3. С. 120; Московские новости. 1988. 27 ноября.
22. Медведев Р. Трагическая статистика // Аргументы и факты. 1989. 4–10 февраля. № 5. С. 7.
23. Дугин А. ГУЛАГ: открывая архивы // На боевом посту. 1989. 27 декабря; Его же. Говорят архивы: неизвестные страницы ГУЛАГа // Социально-политические науки. 1990. № 7. С. 90–101 и др.
24. Дугин А. Н. Сталинизм: легенды и мифы // Слово. 1990. № 7. С. 26.
25. Цаплин В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175–181; Дугин А. ГУЛАГ: открывая архивы // На боевом посту. 1989. 27 декабря; Земсков В. Численность и состав спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1953 г. // Аргументы и факты. 1989. № 39; Его же. Численность и состав ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных по состоянию на 1 января 1953 г. // Там же. 1989. № 40; Бугай Н. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 135–143 и др.
26. Урок дает история. М.: Политиздат, 1989. 414 с.; Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М.: Высшая школа, 1989. 703 с.; Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель. М.: Политиздат, 1989. 494 с.; Обратного хода нет. М.: Политиздат, 1989. 543 с.; Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989. 494 с.; Страницы истории советского общества. Факты. Проблемы. Люди. М.: Политиздат, 1989. 512 с. и др.
27. Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Кн. 1. Ч. 2. М.: АПН, 1989. С. 239–240.
28. Максудов С. Потери населения СССР. Бенсон, Вермонт: Chalidze Publications, 1989. 298 с. и др.
29. Максудов С. Потери населения СССР в годы коллективизации // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. С. 65.
30. Аргументы и факты. 1989. № 39, 40, 45. 1990. № 5, 35 и др.
31. Антонов-Овсеенко А. Противостояние // Литературная газета. 1991. 3 апреля; Его же. Карьера палача // Звезда. 1988. № 9; Его же. Сталин без маски. М.: СП «Вся Москва», 1990. 573 с.; Его же. Враги народа. М.: Интеллект, 1996. 366 с. и др.
32. Антонов-Овсеенко А. Портрет тирана. М.: Грэгори-пэйдж, 1994. С. 272.
33. Разгон Л. Ложь под видом статистики: Об одной публикации в журнале «Социологические исследования» // Столица. 1992. № 8. С. 13–14.
34. Земсков В. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151.
35. Иванова Г.М. Указ. С. 43.
36. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Сб. документов в 7 т. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. 728 с. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. 696 с. Т. 3: Экономика Гулага. 623 с. Т. 4. Население Гулага: численность и условия содержания. 621 с. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. 824 с. Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных. 734 с.
37. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Сб. документов в 7 т. М.: РОССПЭН, 2005. Т. 7. Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах Государственного архива Российской Федерации: аннотированный указатель дел. 709 с.
38. Кропачев С.А. Десять лет, изменившие страну. Проблемы отечественной истории и историографии середины 1930–1940-х годов. Краснодар: Экоинвест, 2006. 132 с.; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 432 с. и др.
39. Население России в XX веке. Т. 1; Иванова Г. М. Указ. соч. и др.
40. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960; Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: Изд-во «ОГИ-Мемориал», 2001. 328 с.; Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 768 с.; Белковец Л.П. Административно-

правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. М.: РОССПЭН, 2008. 358 с. и др.

41. Дьяков Б. Пережитое. М.: Советская Россия, 1987. 740 с.; Волков О. Век надежд и крушений: Воспоминания, повести, рассказы, очерки. М.: Советский писатель, 1989. 736 с.; Гинзбург Е. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Рига: Курсив, 1989. 668 с.; Доднесь тяготеет. Записки вашей современницы. М.: Советский писатель, 1989. 587 с.; Шаламов В. Несколько моих жизней. Проза. Поэзия. Эссе. М.: Республика, 1996. 479 с.; Григоренко П. В подполье можно встретить только крыс... М.: Звенья, 1997. 639 с.; За что? Проза. Поэзия. Документы. М.: Новый ключ, 1999. 559 с.; Адамова-Слиозберг О. Путь. М.: Возвращение, 2009. 272 с. и др.

42. См.: Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания: Всесоюзная перепись населения 1937 г. // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 30–52; Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М.: ИРИ РАН, 1991. 239 с.; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.: Наука, 1992. 256 с. и др.

43. Яковлев А.Н. Сумерки. М.: Материк, 2005. С. 26, 217–222.

44. Земсков В. Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 152–153.

45. Население России в XX веке. В 3 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. С. 311–330; 2001. Т. 2. С. 182–196.

46. Там же. Т. 1. С. 317–318.

47. Там же. Т. 2. С. 180–182.

48. См.: Кропачев С.А. Научная конференция в Париже о сталинском терроре // Кропачев С.А. Масштабы демографических потерь СССР. Начало 1930-х – середина 1940-х годов. Проблемы отечественной истории и историографии. Сб. науч. ст. Краснодар: Экоинвест, 2010. С. 61–62.

49. Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.

50. Полещиков В. М. За семью печатями. Из архива КГБ. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1995. 257 с.; Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 1997. 190 с. и др.

51. Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е – начало 1950-х гг. Нижний Тагил: УрГПУ; НТГПИ, 1996. В 2 ч. Ч. 1: Репрессии 1920–1930-х гг. 232 с.; Ч. 2. Тагиллаг 1940-е – начало 50-х гг. 248 с.; Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск: Издательство *Сибирского* отделения РАН, 1997. 271 с.; Фролов Н.С. Трагедия народа (из истории Черемшанского района Татарстана). Казань: Память, 1999. 220 с.; Кузьмина М.А. Последний вагон на Север. Комсомольск-на-Амуре: [Б.и.], 2001. 258 с. и др.

52. Гвоздкова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 370–372.

53. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. С. 14.

54. Смыкалин А.С. Пенитенциарная система Советской России 1917 – начала 60-х гг. (историко-юридическое исследование). Автореф. дисс... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1998. С. 10–11.

55. Соколов А.К. «Ежовщина» // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.). М.: ИРИ РАН, 1999. С. 266.

56. Подробнее см.: Литвин А.Л. ВЧК в современной исторической литературе // Архив ВЧК. Сб. документов. М.: Кучково поле, 2007. С. 51–70.

57. Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. 688 с.; Папчинский А.А., Тумшис М.А. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. М.: Современник, 2001. 367 с.; Соколов Б. Наркомы террора. Они творили историю кровью. М.: ЭКСМО, 2005. 512 с.; Наумов Л. Сталин и НКВД. М.: Яуза-ЭКСМО, 2007. 544 с. и др.

References:

1. Stalin I.V. Zaklyuchitel'noe slovo na Plenumе Tsentral'nogo Komiteta VKP(b) 5 marta 1937 goda (stenograficheskii variant) // Soch. T. 14. Mart 1934–1940. M.: Pisatel', 1997. S. 204–205.
2. Pravda. 1937. 28 iyulya.
3. Pravda. 1937. 11 dekabrya.

4. XVIII s"ezd Vsesoyuznoi Kommunisticheskoi partii (b). 10–21 marta 1939 g. Stenograficheskii otchet. M.: Gospolitizdat, 1939. S. 28.
5. Istoriya SSSR. 1991. № 5. S. 152–153.
6. Khrushchev N.S. Vospominaniya. Izbrannyye fragmenty. M.: Vagrius, 1997. S. 289.
7. Naselenie Rossii v KhKh veke: Istoricheskie ocherki. V 3 t. M.: ROSSPEN, 2001. T. 2. S. 193.
8. Zemskov V. N. Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960. M.: Nauka, 2005. S. 274, 279.
9. Kurganov I. Tri tsifry // Novoe russkoe slovo. 1964. 12 aprelya.
10. Medvedev R.A. K sudu istorii. Genezis i posledstviya stalinizma. N'yu-Iork: Alfred A. Knopf, 1974. S. 460.
11. Zven'ya. Istoricheskii al'manakh. M.; CPb.: Progress; Feniks; Atheneum, 1991. Vyp. 1. S. 71, 107, 111.
12. Gorbachev M.S. Oktyabr' i perestroika: revolyutsiya prodolzhaetsya. M.: Politizdat, 1987. S. 21.
13. Istoriki sporyat. Trinadtsat' besed. M.: Politizdat, 1988. 510 s.; Inogo ne dano: Sud'by perestroiki. M.: Progress, 1988. 675 s.; V chelovecheskom izmerenii. M.: Progress, 1989. 487 s.; Osmyslit' kul't Stalina. M.: Progress, 1989. 650 s.; Drama obnovleniya. M.: Progress, 1990. 675 s.; SSSR: demograficheskii diaznoz. M.: Progress, 1990. 696 s.; Cherez ternii. M.: Progress, 1990. 702 s. i dr.
14. Vishnevskii A., Kuznetsova L. Lyudi ili naselenie? // V chelovecheskom izmerenii. S. 207–212.
15. Kvasha A. Tsena pobed // SSSR: demograficheskii diaznoz. S. 244.
16. Beltov E., Nekhoroshev G. Eto nuzhno ne mertvym – zhivym // Reabilitirovan posmertno. 2-e izd. M.: Yuridicheskaya literatura, 1989. Vyp. 1, 2. S. 538.
17. Ivanova G.M. Istoriya GULAGa, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i po-litiko-pravovoi aspekty. M.: Nauka, 2006. S. 4.
18. Solzhenitsyn A.I. Arkhipelag GULAG. 1918–1956. Opyt khudozhestvennogo issledovaniya. M.: Tsentr «Novyi mir», 1990. T. 1. Ch. 1. S. 9.
19. Tsit. po: Pomerants G.S. Gosudarstvennaya taina pensionerki // Novyi mir. 2002. № 5. S. 142–143.
20. Argumenty i fakty. 1989. № 5.
21. Voprosy istorii. 1988. № 3. S. 120; Moskovskie novosti. 1988. 27 noyabrya.
22. Medvedev R. Tragicheskaya statistika // Argumenty i fakty. 1989. 4–10 fevralya. № 5. S. 7.
23. Dugin A. GULAG: otkryvaya arkhivy // Na boevom postu. 1989. 27 dekabrya; Ego zhe. Govoryat arkhivy: neizvestnye stranitsy GULAGa // Sotsial'no-politicheskie nauki. 1990. № 7. S. 90–101 i dr.
24. Dugin A. N. Stalinizm: legendy i mify // Slovo. 1990. № 7. S. 26.
25. Tsaplin V. Statistika zhertv stalinizma v 30-e gody // Voprosy istorii. 1989. № 4. S. 175–181; Dugin A. GULAG: otkryvaya arkhivy // Na boevom postu. 1989. 27 dekabrya; Zemskov V. Chislennost' i sostav spetsposelentsev po sostoyaniyu na 1 yanvarya 1953 g. // Argumenty i fakty. 1989. № 39; Ego zhe. Chislennost' i sostav ssyl'noposelentsev, ssyl'nykh i vyslannykh po sostoyaniyu na 1 yanvarya 1953 g. // Tam zhe. 1989. № 40; Bugai N. K voprosu o deportatsii narodov SSSR v 30–40-kh godakh // Istoriya SSSR. 1989. № 6. S. 135–143 i dr.
26. Urok daet istoriya. M.: Politizdat, 1989. 414 s.; Stranitsy istorii KPSS: Fakty. Problemy. Uroki. M.: Vysshaya shkola, 1989. 703 s.; Perepiska na istoricheskie temy. Dialog vedet chitatel'. M.: Politizdat, 1989. 494 s.; Obratnogo khoda net. M.: Politizdat, 1989. 543 s.; Surovaya drama naroda. Uchenye i publitsisty o prirode stalinizma. M.: Politizdat, 1989. 494 s.; Stranitsy istorii sovetskogo obshchestva. Fakty. Problemy. Lyudi. M.: Politizdat, 1989. 512 s. i dr.
27. Volkogonov D. Triumf i tragediya. Kn. 1. Ch. 2. M.: APN, 1989. S. 239–240.
28. Maksudov S. Poteri naseleniya SSSR. Benson, Vermont: Chalidze Publications, 1989. 298 s. i dr.
29. Maksudov S. Poteri naseleniya SSSR v gody kollektivizatsii // Zven'ya. Istoricheskii al'manakh. Vyp. 1. S. 65.
30. Argumenty i fakty. 1989. № 39, 40, 45. 1990. № 5, 35 i dr.
31. Antonov-Ovseenko A. Protivostoyanie // Literaturnaya gazeta. 1991. 3 aprelya; Ego zhe. Kar'era palacha // Zvezda. 1988. № 9; Ego zhe. Stalin bez maski. M.: SP «Vsya Moskva», 1990. 573 s.; Ego zhe. Vragi naroda. M.: Intellekt, 1996. 366 s. i dr.
32. Antonov-Ovseenko A. Portret tirana. M.: Gregori-peidzh, 1994. S. 272.
33. Razgon L. Lozh' pod vidom statistiki: Ob odnoi publikatsii v zhurnale «Sotsiologicheskie issledovaniya» // Stolitsa. 1992. № 8. S. 13–14.
34. Zemskov V. Zaklyuchennyye, spetsposelentsy, ssyl'noposelentsy, ssyl'nye i vyslannyye (Statistiko-geograficheskii aspekt) // Istoriya SSSR. 1991. № 5. S. 151.
35. Ivanova G.M. Ukaz. soch. S. 43.
36. Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: Sb. dokumentov v 7 t. M.: ROSSPEN, 2004. T. 1. Massovye repressii v SSSR. 728 s. T. 2: Karatel'naya sistema: struktura i kadry. 696 s. T. 3: Ekonomika Gulaga. 623 s. T. 4. Naselenie Gulaga: chislennost' i usloviya sodержaniya. 621 s. T. 5. Spetspereselentsy v SSSR. 824 s. T. 6. Vosstaniya, bunty i zabastovki zaklyuchennykh. 734 s.
37. Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: Sb. dokumentov v 7 t. M.: ROSSPEN, 2005. T. 7. Sovetskaya repressivno-karatel'naya politika i pe-nitentsiarnaya sistema v materialakh Gosudarstvennogo arkhiva Ros-siiskoi Federatsii: annotirovannyi ukazatel' del. 709 s.

38. Kropachev S.A. Desyat' let, izmenivshie stranu. Problemy otechestvennoi istorii i istoriografii sere diny 1930–1940-kh godov. Krasnodar: Ekoinvest, 2006. 132 s.; Khaustov V., Samuel'son L. Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 gg. M.: ROSSPEN, 2009. 432 s. i dr.
39. Naselenie Rossii v KhKh veke. T. 1; Ivanova G. M. Ukaz. soch. i dr.
40. Zemskov V.N. Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960; Polyani P.M. Ne po svoei vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsii v SSSR. M.: Izd-vo «OGI-Memorial», 2001. 328 s.; Berdinskikh V.A. Spetsposelentsy: Politicheskaya ssylka narodov Sovetskoi Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. 768 s.; Belkovets L.P. Administrativno-pravovoe polozhenie rossiiskikh nemtsev na spetsposelenii 1941–1955 gg.: Istoriko-pravovoe issledovanie. M.: ROSSPEN, 2008. 358 s. i dr.
41. D'yakov B. Perezhitoe. M.: Sovetskaya Rossiya, 1987. 740 s.; Volkov O. Vek nadezhd i krushenii: Vospominaniya, povesti, rasskazy, ocherki. M.: Sovetskii pisatel', 1989. 736 s.; Ginzburg E. Krutoi marshrut: Khronika vremen kul'ta lichnosti. Riga: Kursiv, 1989. 668 s.; Dodnes' tyagoteet. Zapiski vashei sovremennitsy. M.: Sovetskii pisatel', 1989. 587 s.; Shalamov V. Neskol'ko moikh zhiznei. Proza. Poeziya. Esse. M.: Respublika, 1996. 479 s.; Grigorenko P. V podpol'e možno vstretit' tol'ko krysi... M.: Zven'ya, 1997. 639 s.; Za chto? Proza. Poeziya. Dokumenty. M.: Novyi klyuch, 1999. 559 s.; Adamova-Sliozberg O. Put'. M.: Vozvrashchenie, 2009. 272 s. i dr.
42. Sm.: Polyakov Yu.A., Zhiromskaya V.B., Kiselev I.N. Polveka molchaniya: Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 g. // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1990. № 8. S. 30–52; Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 g. Kratkie itogi. M.: IRI RAN, 1991. 239 s.; Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Osnovnye itogi. M.: Nauka, 1992. 256 s. i dr.
43. Yakovlev A.N. Sumerki. M.: Materik, 2005. S. 26, 217–222.
44. Zemskov V. N. Zaklyuchennyye, spetsposelentsy, ssyl'noposelentsy, ssyl'nye i vyslannyye (Statistiko-geograficheskii aspekt) // Istoriya SSSR. 1991. № 5. S. 152–153.
45. Naselenie Rossii v XX veke. V 3 t. M.: ROSSPEN, 2000. T. 1. S. 311–330; 2001. T. 2. S. 182–196.
46. Tam zhe. T. 1. S. 317–318.
47. Tam zhe. T. 2. S. 180–182.
48. Sm.: Kropachev S.A. Nauchnaya konferentsiya v Parizhe o stalinskom terrore // Kropachev S.A. Masshtaby demograficheskikh poter' SSSR. Nachalo 1930-kh – sredina 1940-kh godov. Problemy otechestvennoi istorii i istoriografii. Sb. nauch. st. Krasnodar: Ekoinvest, 2010. S. 61–62.
49. Maksimov K.N. Tragediya naroda: Repressii v Kalmykii. 1918–1940-e gody. M.: Nauka, 2004. 311 s.
50. Poleshchikov V. M. Za sem'yu pechatyami. Iz arkhiva KGB. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1995. 257 s.; Morozov N.A. GULAG v Komi krae. 1929–1956. Syktyvkar: Syktyvkar'skii gosudarstvennyi universitet, 1997. 190 s. i dr.
51. Kirillov V.M. Istoriya repressii v Nizhnetagil'skom regione Urala 1920-e – nachalo 1950-kh gg. Nizhnii Tagil: UrGPU; NTGPI, 1996. V 2 ch. Ch. 1: Repressii 1920–1930-kh gg. 232 s.; Ch. 2. Tagillag 1940-e – nachalo 50 kh gg. 248 s.; Papkov S.A. Stalinskii terror v Sibiri. 1928–1941. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, 1997. 271 s.; Frolov N.S. Trage-diya naroda (iz istorii Cheremshanskogo raiona Tatarstana). Kazan': Pamyat', 1999. 220 s.; Kuz'mina M.A. Poslednii vagon na Sever. Komsomol'sk-na-Amure: [B.i.], 2001. 258 s. i dr.
52. Gvozdikova L.I. Istoriya repressii i stalinskikh lagerei v Kuzbasse. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997. S. 370–372.
53. Zemskov V. N. Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960. S. 14.
54. Smykalin A.S. Penitentsiarnaya sistema Sovetskoi Rossii 1917 – nachala 60-kh gg. (istoriko-yuridicheskoe issledovanie). Avtoref. diss... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 1998. S. 10–11.
55. Sokolov A.K. «Ezhovshchina» // Vlast' i obshchestvo v SSSR: politika repressii (20–40-e gg.). M.: IRI RAN, 1999. S. 266.
56. Podrobnее sm.: Litvin A.L. VChK v sovremennoi istoricheskoi literature // Arkhiv VChK. Sb. dokumentov. M.: Kuchkovo pole, 2007. S. 51–70.
57. Sudoplatov P.A. Spetsoperatsii. Lubyanka i Kremli'. 1930–1950 gg. M.: OLMA-PRESS, 1997. 688 s.; Papchinskii A.A., Tumshis M.A. Shchit, raskoloty mehom. NKVD protiv VChK. M.: Sovremennik, 2001. 367 s.; Sokolov B. Narkomy terrora. Oni tvorili istoriyu krov'yu. M.: EKSMO, 2005. 512 s.; Naumov L. Stalin i NKVD. M.: Yauza-EKSMO, 2007. 544 s. i dr.

UDC 903

**Dimension of Stalin's Repressions by Soviet and
Modern Russian Researchers Estimates**

¹ Evgeny F. Krinko

² Sergey A. Kropachev

¹ Institute of Social-Economic and Humanitarian Research of Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia

41 Chekhova Prospekt, Rostov-on-Don 344006

Doctor of History

E-mail: krinko@ssc-ras.ru

² Krasnodar Regional Department of Russian Nonprofit Organization «Russian Historical, Educational, Human Rights and Charitable Society «Memorial» (Russian Memorial), Russia

88 Tramvaynaya Str., office 21, Krasnodar 350911

PhD (History), Associate Professor

E-mail: kko@kubanmemo.ru

Abstract. The article is concerned with the features of Stalin's repressions study by Soviet, emigrant and modern Russian researchers. Accurate data, concerning the number of political prisoners was not published in the Soviet period and special works on this problem were issued only under perestroika. But primarily the wish to «say the truth» about the real dimension of Stalin's crimes was not corroborated by historical sources. It resulted in overstated numbers of tens of millions of Soviet citizens being imprisoned and millions being shot. In recent years the researchers have made a great step forward in studying different types of terror and categories of political prisoners, mechanisms of mass repressive acts execution, dynamics of prisoners number in places of confinement, total number of exiles and deportees. The issue of Books of Condolence in the constituent units of the Russian Federation, the establishment of the Common Database of the Victims of Political Terror in the USSR took the problem research to a new level.

Keywords: «Big Terror»; historiography; political repressions; rehabilitation; Stalinism.